

Б. Сигал. СУД НАД МАТЕРЬЮ, ВИНОВНОЙ В РАСПРОСТРАНЕНИИ СКАРЛАТИНЫ

Публикация подготовлена:

Кремнева Людмила Александровна, Самарская областная универсальная научная библиотека

2024 год объявлен Указом Президента РФ от 22.11.2023 N 875 Годом семьи. Для каждого человека семья очень важна.

В семье воспитываются дети, а воспитание детей напрямую связано не только с моральным и душевным, но и с его физиологическим здоровьем. Вопросы вакцинации ребенка актуальны и в наше время, а в начале XX века требовалось активное санитарно-медицинское просвещение.

В связи с этим предлагаем вашему вниманию редкое издание из фонда Самарской областной универсальной научной библиотеки¹, затрагивающее просвещение малограмотных слоев населения в вопросах вакцинации.

Грамотность в этой сфере не продолжает терять своей актуальности... Вот, например, в книге Б. Сигал «Суд над матерью, виновной в распространении скарлатины»² безграмотность привела к гибели двух детей. Настоящая инсценировка должна была способствовать санитарному просвещению среди малообразованных слоев общества. Сам автор так объясняет эту идею: «Сразу выявляется инсценировочный характер сансуда, и требуется соответствующее впечатление, как от настоящего суда. <...> Вместо эксперта введен врач – свидетель. Но роль эта должна <...> обязательно выполняться врачом, который в своих показаниях и осветит сущность скарлатины и методы борьбы с ней. Вопросы и ответы во время перерыва должны еще более разъяснить всю важность и все способы борьбы с разившейся в стране эпидемией скарлатины».

В Самарской ОУНБ имеется 1 экземпляр этого издания, выпущенного внушительным тиражом в 5000 экз. Это же издание есть в РГБ³ и в КирОУНБ⁴, но оно еще не было представлено в оцифрованном виде.

Текст публикуется с сохранением стилистических и хронологических особенностей изложения материала.

¹ Сигал Б.С. Суд над матерью, виновной в распространении скарлатины. М.: Жизнь и знание, 1925. 48 с. (Общедоступная библиотека; Кн. 48). (библиотечный номер хранения – 125167).

² Сигал Борис Самойлович (1893–1983) – гигиенист, санитарный врач, историк медицины, организатор здравоохранения. С 1923 года работал санитарным врачом на Октябрьской железной дороге, а также в городском доме санитарного просвещения в Ленинграде. [Российская еврейская энциклопедия: Биографии: С–Я / гл. ред. Брановер Г. Г. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рос. акад. естеств. наук [и др.], 2000. С. 48)].

³ РГБ – Российская государственная библиотека (Москва).

⁴ КирОУНБ – Кировская областная универсальная научная библиотека им. А.И. Герцена.

СУД НАД МАТЕРЬЮ, ВИНОВНОЙ В РАСПРОСТРАНЕНИИ СКАРЛАТИНЫ

ОТ АВТОРА

В настоящей инсценировке, в отличие от обычной формы сансуда, отсутствует врач-эксперт. Вызвано это тем, что момент перехода от сценического судебного действия к экспертизе вносит охлаждение в настроение аудитории. Сразу выявляется инсценировочный характер сансуда, и требуется соответствующее впечатление, как от настоящего суда.

Чтобы избежать этот момент, чтобы поддержать все время настроение зрителей и вместе с тем осветить научную сторону вопроса, вместо эксперта введен врач-свидетель. Но роль эта должна, как и эксперта в других инсценировках, обязательно выполняться врачом, который в своих показаниях и осветит сущность скарлатины и методы борьбы с ней. Вопросы и ответы во время перерыва должны еще более разъяснить всю важность и все способы борьбы с разившейся в стране эпидемией скарлатины.

Б. Сигал

Действующие лица:

Председатель.

2 члена суда.

Прокурор.

Защитник.

Подсудимая – Дарья Климова, 40 лет.

Свидетели: – Иван Кузьмин, руководитель пионерского отряда, 18 лет.

Старец Анисим, 55 лет.

Агафья Филиппова, 52 лет.

Мария Игнатьева, 38 лет.

Михаил Горелов, врач, 35 лет.

Секретарь суда, комендант, конвойные.

ДЕЙСТВИЕ 1.

Явление 1.

(На сцене – зал суда. Стол, покрытый красным сукном для судей, столики для прокурора и защитника. Скамья для подсудимой. Места для свидетелей).

Комендант (или секретарь). – (Обращаясь к публике) – Сейчас будет слушаться дело по обвинению гражданки Климовой в непринятии мер предосторожности, вследствие чего распространилась зараза скарлатины. Суд просит выбрать из вашей среды двух товарищей, которые будут принимать участие в разборе дела в качестве народных заседателей.

(Происходят выборы. Выбранные уходят за сцену).

Явление 2.

Комендант. – (Обращаясь к публике) – Прошу встать, суд идет. (Все встают).

Председатель, члены суда, прокурор, защитник. – (занимают свои места).

Председатель. – (К публике) – Прошу сесть. Слушается дело гражданки Дарьи Климовой, по вине которой произошло заражение нескольких детей скарлатиной.

Председатель. – (К коменданту) – Введите подсудимую.

Подсудимая. – (В платке, с заплаканными глазами, входит под конвоем, занимает место на скамье подсудимых).

Председатель. – Подсудимая, ваше имя и фамилия?

Подсудимая. – Климова, Дарья.

Председатель. – Сколько вам лет?

Подсудимая. – Годов 40.

Председатель. – Ваше занятие?

Подсудимая. – Какое мое занятие, гражданин судья. Муж на дороге служит, а я пробиваюсь с детками, с хлеба на квас.

Председатель. – А муж ваш в городе служит?

Подсудимая. – Машинист он, в городе редко бывает, все ездит.

Председатель. – А все-таки чем вы занимаетесь: служите, торгуете?

Подсудимая. – Рада бы служить, да куда с детками-то поступишь. Торговлю больше помаленьку, яблочками, молочком, булочками.

Председатель. – Значит, вы торгуете. Ларек имеете на базаре?

Подсудимая. – Есть гражданин судья, да какой там ларек, одно слово, что ларек, а посмотришь – ничего и нет. Все налоги притесняют. Кооперативы поразвелись.

Председатель. – Подсудимая, вам надлежит отвечать прямо на вопросы, а не вдаваться в лишние рассуждения. Делаю вам первое предупреждение. Предлагаю впредь этого не забывать.

Вы копию обвинительного заключения получили?

Подсудимая. – Получила, батюшка, получила.

Председатель. – Здесь батюшек нет. Отвода против состава суда не имеете?

Подсудимая. – Какого отвода?

Председатель. – Вы ничего не имеете против настоящего состава суда, не подозреваете в пристрастном отношении к вам кого-либо из членов суда?

Подсудимая. – Да какая мне охота судиться?

Председатель. – Не в охоте дело. Против членов суда вы ничего не имеете?

Подсудимая. – (Вздыхает) – Что ж иметь-то, не имею.

Председатель. – Садитесь.

Явление 3.

Председатель. – Оглашается обвинительное заключение по делу гражданки Дарьи Климовой.

В последних числах сентября настоящего года, в отряде юных пионеров месткома первого участка тяги Октябрьской ж.д. было 4 случая одновременного заболевания

скарлатиной, что навело на мысль, что среди поступивших детей имеются из семьи, где находятся больные скарлатиной. Отряд был распущен, и в санитарный надзор были сообщены адреса всех заболевших детей для производства обследований.

Произведенным обследованием установлено было, что в числе поступивших в отряд и заболевших имеется мальчик Петр Климов, 9 лет, старший брат которого, Алексей Климов, 13 лет, в момент поступления в отряд лежал больной скарлатиной на дому, причем его мать, Дарья Климова, была предупреждена врачом, Михаилом Гореловым, посетившим больного, что она должна поместить его в больницу и что ни в коем случае ей нельзя других детей пускать в школу или отряд пионеров.

При производстве следствия по данному делу к следователю поступила также жалоба от гр. Марии Игнатъевой в том, что с ее ребенком во дворе играл только что выздоровевший Алексей Климов и заразил ее ребенка. Сама Игнатьева не знала, что Климов болел скарлатиной. Она спрашивала Дарью Климову, чем болел ее мальчик, и последняя сказала, что у него была простуда. В результате заражения сын Игнатъевой, 10 лет, на 5-й день заболевания скончался.

Призванная в качестве обвиняемой Дарья Климова виновной себя не признала, заявив, что доктор был у нее только один раз, что она не знала, что у ее сына скарлатина, и что лечила она его разными травами и маслицами, которые получала от старца Анисима и знахарки Агафьи Филипповой. Из показаний же врача и других свидетелей выяснилось, что о заболевании скарлатиной сына гражданка Климова знала, но не приняла никаких мер к тому, чтобы зараза дальше не распространялась.

Ввиду этого, на основании ст. ст. Уголовн. Кодекса гражданка Дарья Климова, 40 лет, торговка, беспартийная, ранее не судившаяся, предается суду по обвинению в том, что, будучи предупреждена о необходимости изолировать больного скарлатиной ребенка и других детей, находившихся с ним в соприкосновении, этого не выполнила, в результате чего последовало заражение ряда детей и смерть мальчика Игнатьева, т. е. по ст. ст. Угол. Кодекса.

Явление 4.

Председатель. – Подсудимая, признаете ли вы себя виновной в том, что изложено в обвинительном заключении?

Подсудимая. – Не признаю. Чем же я виновата? Разве зараза-то эта от нас идет?

Председатель. – А откуда же зараза по-вашему?

Подсудимая. – Не знаю, товарищ судья. Только уж кому какая судьба. Суждено заболеть, и заболеет. Мы люди темные, не ученые, в болезнях не понимаем.

Председатель. – Расскажите, как и когда заболел ваш старший сын.

Подсудимая. – Все расскажу, все, как есть, чистую правду. Так было дело. Прихожу с рынка, а Алеша жалуется – «голова, мама, болит». Смотрю, он горит весь, натерла я его маслицем, дала рюмочку наливочки, крепкая такая наливочка, хорошая, ее сам отец Федор уважает. Выпил он, заснул. На другой день гляжу – горит весь малец. Горячий такой, и не притронься. Горло, жалуется, болит. Давай, думаю, за доктором сойду. Пошла в лечебницу, позвала доктора. Приходит, посмотрел – «в больницу, говорит, везите, может скарлатина будет. Если сыпь красная появится, вы сразу отправляйте». Лекарство прописал.

Председатель. – А вы выполнили, что он сказал?

Подсудимая. – Не выполнила, товарищ председатель. Мой грех, не выполнила. Побоялась в больницу отправить. На рынок пошла, а там другие торговки советуют – «на что тебе больница, ты бабушку Филиппову позови, все, как рукой, снимет». Прихожу домой, а Алеша весь красный, как кумач стал, только один носик белый остался. Перепугалась я и пошла за бабушкой. Та его терла, водичкой поила, с уголька прыскала. Стал было поправляться, по двору бегать, а потом распух и помер мой Алеша.

Председатель. – А детей у вас сколько?

Подсудимая. – Трое были: Алеша, Петя, да дочка Маша, 7-ми лет. Теперь двое остались.

Председатель. – Говорил вам доктор, что остальных детей нельзя пускать в отряд пионеров или школу, что надо их удалить, что они могут заразиться?

Подсудимая. – Не припомню. Где-ж было запомнить? Такая была встревоженная, не запомнить все, что говорил.

Председатель. – Советую вам лучше припомнить, видите какие последствия получились.

Подсудимая. – Может и говорил... Так Петька, как пошел в отряд, здоровый был. Чего-ж было бояться? А как больной уж не ходил.

Председатель. – Вот и выполнить надо было, что доктор сказал, раз вы сами не понимаете. – Не имеют ли стороны вопросов?

Прокурор. – Разрешите мне. – Вы больше уже врача к своему сыну не звали?

Подсудимая. – Не звала. Так думала обойдется.

Прокурор. – Не приходил ли он сам к вам?

Подсудимая. – Может и приходил, когда меня не было, не помню.

Прокурор. – Значит лечили больного знахарка Филиппова, да еще старец Анисим. Что это за старец такой, и как вы к нему попали?

Подсудимая. – Думала я сразу, что святой человек, гражданин судья. По виду, как есть, святой, все на него молятся, и лицо такое благочинное. Со всеми страданиями к нему ходят, от всех горестей спасает. И сынишке моему лекарство дал. А теперь вижу, что народ обманывает он.

Прокурор. – А дезинфекцию вы у себя не делали в квартире?

Подсудимая. – Не делала... Какая с нее польза?

Прокурор. – Вам этого старец Анисим не советовал?

Подсудимая. – Не советовал.

Прокурор. – Видно, что не советовал. Мальчика своего вы сразу пустили гулять с другими детьми после выздоровления?

Подсудимая. – Как стал ходить, так и пошел на двор, разве его удержишь?

Прокурор. – Больше вопросов не имею.

Защитник. – Разрешите мне. Скажите, подсудимая, какое вы образование получили?

Подсудимая. – Малограмотная я. Какое у нас образование?

Защитник. – А вы не слышали раньше про эту болезнь, скарлатину?

Подсудимая. – Не слыхала и знать не знала. Как беда случилась, тут и узнала.

Защитник. – А известно ли вам было, что если ребенок находился около больного, то он может заражать других, хотя сам еще не заболел?

Подсудимая. – Не слыхала, батюшка, не слыхала.

Защитник. – А известно ли вам было, что посла выздоровления еще шесть недель нельзя выпускать больного с другими детьми, так как он может их заразить?

Подсудимая. – Мы-ж не доктора, где нам все знать?

Защитник. – Больше вопросов не имею.

Прокурор. – Разрешите мне задать вопрос.

– Но ведь все то, что вы не знаете, вам доктор сказал, значит, вы могли уже знать. Вы только не поверили ему?

Подсудимая. – Может и говорил, не припомню.

Прокурор. – Не помните. Мы это выясним.

Председатель. – Больше вопросов к подсудимой нет? Переходим к допросу свидетелей.

(К Коменданту). Пригласите свидетеля Ивана Кузьмина.

Явление 5.

(Те же и свидетель Иван Кузьмин).

Председатель. – Напоминаю, свидетель, что вам надлежит показывать только правду. За ложные показания вы подлежите ответственности по статье, карающей заключением на срок не меньше одного года. Ваше имя и фамилия, и сколько вам лет?

Кузьмин. – Иван Кузьмин, 18 лет.

Председатель. – Вы чем занимаетесь?

Кузьмин. – Я руководитель отряда юных пионеров при местном первом участке тяги Октябрьской железной дороги.

Председатель. – Что вы можете сказать по настоящему делу?

Кузьмин. – У нас отряд функционирует недавно. Спустя дней 8 после начала занятий в отряде заболел ученик Климов. Чем он заболел, нам не известно было, так как извещения не присылали. Спустя 3–4 дня заболело еще 3 ученика, и в отряд поступило сообщение о том, что они заболели скарлатиной. Ввиду этого занятия были прекращены на 12 дней, и произведена была дезинфекция.

Председатель. – Какие меры вы принимали в отряде в начале занятий для предотвращения заноса скарлатины?

Кузьмин. – Во-первых, все дети предварительно осматривались у врачей и больные или имевшие следы недавно перенесенной болезни не пропускались. Кроме того, мы в самом начале занятий, на второй же день, созвали всех родителей, и доктор говорил о том, как передается скарлатина, и указывал, чтобы из тех квартир, где имеются больные, детей не посылали. Это все родители обязались выполнить.

Председатель. – Не имеют ли стороны вопросов?

Прокурор. – Разрешите мне. Скажите, свидетель, вы можете определенно утверждать, что первым заболел мальчик Климов?

Кузьмин. – Это я хорошо помню, да и по записям посещаемости можно установить.

Прокурор. – А другие дети не пропускали по болезни занятий?

Кузьмин. – Дети занятия аккуратно посещают. Так было и сейчас. Кроме этих заболевших детей, про которых я уже говорил, других больных не было.

Прокурор. – На собрании родителей, о котором вы говорили, гражданка Климова была?

Кузьмин. – Не помню. Так много было родителей, что запомнить лица было трудно.

Прокурор. – Как попал к вам в отряд сын торговки?

Кузьмин. – Нам неизвестно было, что она торговка. Мы знали, что отец его служит на дороге.

Прокурор. – Не имею больше вопросов.

Защитник. – Разрешите мне задать вопрос. Во время посещения отряда мальчик Климов не производил впечатления больного?

Кузьмин. – Говоря откровенно, я не замечал у него признаков заболевания. Только в последний день своего посещения он жаловался на головную боль. Мне показалось, что у него жар. Я его отпустил домой.

Защитник. – Вы не спрашивали его, нет ли у него в квартире больных?

Кузьмин. – Лично его не спрашивал, но в отряде вообще говорили, что, если есть дома больные дети, надо об этом сообщать. Про то, что на квартире у Климова имеется больной скарлатиной, нам известно не было.

Защитник. – (Председателю) Разрешите задать вопрос подсудимой?

Председатель. – Задавайте.

Защитник. – Были вы на этом собрании родителей, о котором говорит свидетель?

Подсудимая. – Не была я, батюшка, не была, времени нет у нас по собраниям ходить.

Защитник. – Значит вы не знали о том, что там сказано было не пускать детей из тех семейств, в которых имеются больные?

Подсудимая. – Ничего не знала, как сказала, так и есть, ничего я не знала.

Защитник. – Больше вопросов не имею.

Прокурор. – Разрешите мне задать вопрос свидетелю?

Председатель. – Задавайте.

Прокурор. – В какой день было у вас собрание родителей?

Кузьмин. – В воскресенье.

Прокурор. – Вы на собрание рассылали письменные повестки или через детей передавали?

Кузьмин. – И повестки посылали и через детей передавали.

Прокурор. – Разрешите задать вопрос подсудимой? – Подсудимая, вы сказали, что у вас не было времени пойти на собрание, но ведь оно было в воскресенье. Чем же вы были так заняты?

Подсудимая. – Мало у нас в воскресенье работы? За детишками приглядеть, в церковь сходить. Так и не выберешься. Да и то правда, век по собраниям не ходила. Боюсь я этих собраний. Как собрание в доме, так тебе новая прибавка на квартиру, так я и ходить перестала.

Прокурор. – Больше вопросов не имею.

Председатель. – Садитесь, подсудимая. К свидетелю больше вопросов нет? Садитесь, свидетель.

(К Коменданту). Вызовите свидетельницу Филиппову Агафью.

Явление 6.

(Входит старушка, опираясь на палку, в платочке, сморщенная, низко кланяется).

Председатель. – Подойдите сюда, свидетельница. Ваше имя и фамилия?

Филиппова. – Что-то не слышу, батюшка. На ухо туга я.

Предстатель. – (Говорит громче). Как вас зовут, имя, фамилия ваша?

Филиппова. – Меня-то? Хфилиппова, Агафья Сидоровна по батюшке зовут, вот как.

Председатель. – Лет вам сколько?

Филиппова. – Мне-то? Годов будет с полсотни, а может больше.

Председатель. – Вы чем занимаетесь?

Филиппова. – Я то? Какое наше на старости лет занятие? Одна, как перст (вытирает слезы), добрые люди не оставляют старуху, подают Христа ради, так и живу.

Председатель. – По настоящему делу вы что знаете? Только напоминаю вам, свидетельница, что за дачу ложных показаний вы подлежите ответственности по статье, карающей заключением не менее одного года.

Филиппова. – Ничего, родной мой, не знаю.

Председатель. – Если не знаете, то разрешите вам напомнить. Вы не занимаетесь ли лечением еще больных?

Филиппова. – Невдомек что-то, не понимаю, какое такое лечение?

Председатель. – Напоминаю вам опять, что вам надо отвечать на вопросы прямо, а не притворяться, будто вы ничего не понимаете. Вы приходили на квартиру к гражданке Климовой, когда у нее был болен ребенок?

Филиппова. – К Дарье-то? Приходила, так что ж? Родня она мне.

Председатель. – Лечили вы ее ребенка больного?

Филиппова. – Молилась батюшка, молилась только, да водичкой святой поила. Молитва всякую болезнь прогонит.

Председатель. – Не имеют ли стороны вопросов?

Прокурор. – Вы только молитвами лечите или еще чем?

Филиппова. – Заговариваю, родимый мой, такие слова знаю, от зубов, или от печенки, или от сердца, все заговорю. Силу злую отгоняю.

Прокурор. – А много к вам приходят злую силу отгонять?

Филиппова. – Раньше больше приходило. Теперь времена не те пошли.

Прокурор. – Какая болезнь была у мальчика Климова, вы знали?

Филиппова. – Болезнь, известно какая, простуда взяла, вот и свалился.

Прокурор. – Вы после посещения его и к другим детям ходили?

Филиппова. – Ходила, как же. Как позовут и пойду, надо ж помочь.

Прокурор. – Прошу разрешения задать вопрос подсудимой. Подсудимая, кто вас направил к Филипповой?

Подсудимая. – Соседки, торговки, послали. Пойди, говорят, до старца Анисима да покличь старуху Агафью. Они тебе сына сразу вылечат. Так и сделала. Пришла она, пошептала, пошептала на воду, потом такой водой стала поить, давай ему наливочки

покрепче, говорит. Сама наливочку выпила, Алеше дала. Так мой Алеша спервоначалу поправился, а потом и помер. Почки у него, доктор сказал, испортились.

Защитник. – Разрешите мне задать вопрос подсудимой? Раньше приходилось вам когда-нибудь обращаться к этой старухе за помощью.

Подсудимая. – Первый раз это случилось. Пойди, говорят, пойди, какой толк от докторов, я и послушалась.

Защитник. – Значит свидетельница Филиппова хорошо известна району, или вернее, на вашем рынке?

Подсудимая. – Как же, она и на картах гадает, и ворожит, и какая беременная рожать ни хочет, к ней идет, она и помогает.

Защитник. – Больше вопросов не имею.

Прокурор. – (Председателю) Прошу свидетельницу Филиппову не освобождать, так как я о ней должен в дальнейшем сделать особое заявление.

Председатель. – Свидетельница Филиппова, садитесь сюда (показывает на места свидетелей) и не покидайте этого зала без разрешения суда.

Филиппова. – (Садится на свидетельскую скамью).

Председатель. – (К коменданту). Вызовите свидетеля старца Анисима.

Явление 7.

(Те же и старец Анисим – высокого роста, с окладистой бородой, подходит уверенно к судейскому столу, кланяется).

Председатель. – Напоминаю вам, свидетель, что вы должны показывать только правду, в случае ложных показаний вы будете привлечены к судебной ответственности по статье, карающей заключением не ниже одного года.

Анисим. – Слушаю. Я говорю только правду.

Председатель. – Ваше имя и фамилия?

Анисим. – Имя мое Иван, фамилия Корнеев.

Председатель. – А почему вас зовут Анисим?

Анисим. – Так народ называет.

Председатель. – Сколько вам лет?

Анисим. – 52 года.

Председатель. – Известно вам что-нибудь по настоящему делу?

Анисим. – Мне кажется, что я к настоящему делу касательства не имею.

Председатель. – Имеете или нет, это мы сейчас выясним. Не имеют ли стороны вопросов?

Прокурор. – Я просил бы суд предложить подсудимой рассказать, как и при каких обстоятельствах она встречалась с настоящим свидетелем?

Председатель. – (Подсудимой) Расскажите нам, как лечил вашего сына гражданин Корнеев.

Подсудимая. – Старца Анисима у нас весь народ знает. Все торговки на базаре только про него говорят. Как что случится, заболит что-либо или беда стряется, – все к Анисиму, от всего, говорят, помогает. Вот соседка, Марья Игнатьевна, что рыбой торгует около меня, так

та говорила, что как на нее штраф наложили, большой штраф, за служащего али еще за что, не припомню, та и пошла к Анисиму, с нее потом штраф на половину сбавили.

Председатель. – Вы нам про соседок не рассказывайте, а лучше про себя. Как вы пошли, и чем вам помог этот свидетель?

Подсудимая. – Сейчас, товарищ председатель, все по порядку разрешите сказать. Потому очень меня злость теперь берет за этого старца. Сама вижу, обман большой идет, а тогда и я поверила. Как стало Алеше моему плохо и вижу, тетка Агафья не помогает, вот и стали все соседки да и сама Агафья наговаривать – пойди к Анисиму, он тебе поможет, – ну и пошла, ларек прикрыла и пошла. Прихожу к нему, а у него народу в передней, что тебе наш базар, бабы старые, молодые, все больше нашего женского сословия. А одна сидит, такая, на барыньку похожа, вам, говорит, чего? Мне до старца, говорю. А по какому делу? Я тут и рассерчала. Тебе, думаю, какое дело, я до старца иду, а тут тебе такая девка размалеванная. Сразу меня сумление взяло. А она говорит: до старца доступа прямо нельзя иметь сразу. Только я, да еще приближенные (все такие, как она, прости господи, намазанные). На бумажке напишите, какое дело, передам. Написала она сама на бумажке, что я сказала, потому я малограмотная, писать не умею, взяла у меня эту бумажку да 3 рубля денег и пошла. Дождалась я очереди, и выходит она назад, ответ подает. Прислал вам, говорит, старец баночку с лекарством – мажьте им и молитесь – поправится сынок ваш. Только до докторов не ходите и ничего им не говорите. Взяла я это лекарство, а в нем масло какое-то. Мазала, мазала. Оно спервоначалу ему полегчало, а потом, известное дело, помер мой Алеша. Еще раз я до старца ходила и тут на деле увидела, какой он есть обманщик. Позвольте это рассказать, товарищ судья.

Председатель. – Это вы потом скажете, а сейчас мы еще допросим свидетеля. (Свидетелю) Давали вы лекарство этой женщине и что это за лекарство?

Акисим. – Мое лечение – это больше всего молитва к богу. Молитва моя угодна всевышнему. А для успокоения больному маслице дается.

Председатель. – Какое же это маслице?

Акисим. – Деревянное, обыкновенное.

Председатель. – Это масло вы даёте от всех болезней?

Акисим. – От всех, как есть, от всех.

Председатель. – Как же оно может помочь от всех болезней. Значит вы просто народ дурачили?

Акисим. – Всякие чудеса может сделать вера. Вера горами двигает. И масло, коли оно с верой дается, помочь может, даже водичка простая.

Прокурор. – Разрешите мне вопрос. (К Анисиму) – А вы сами, свидетель, веру-то эту имеете, о которой вы говорите?

Акисим. – (Мнется). Я-то – народ приходит, не отказать же ему.

Прокурор. – Значит, сами-то вы в свои чудеса не верите, а только народ с толку сбиваете?

Акисим. – Что-ж, я ничего, я по божьему, по правде. Помолюсь, мне правда и откроется.

Подсудимая. – (Вскакивает). Позвольте рассказать, какая ему правда открывается. Вытерпеть не могу.

Председатель. – Ну, рассказывайте.

Подсудимая. – Как стало Алеше моему другой раз худо, я опять до Анисима собралась. А на рынке одна знакомая есть. Муж ейный на заводе работает, партийный, так она и не верит ни во что. Иконы и те снимала, вот-те крест святой. Услыхала про Анисима и говорит, вот пойду с тобой и покажу тебе, какой он ни есть обманщик. Пошла со мной и подает записку – прошу отца Анисима помолиться и сказать, получу ли я письмо от мамы своей – 3 года писем не имела. Ответ ей приносят – молись, скоро письмо получишь. А мать-то ейная уж годов десять как в могиле лежит. Вот какую правду старец знает. Как показала она мне это, так и глаза раскрылись. (К свидетелю). – Мошенник ты, вот кто, а не святой.

Председатель. – Успокойтесь, подсудимая. (К Анисиму). – Что вы по этому поводу скажете?

Анисим. – Что я могу сказать? Может, и был такой случай. Не вразумил меня господь (вздыхает). Его на то воля.

Председатель. – Не имеют ли стороны еще вопросов?

Прокурор. – Разрешите сделать заявление суду?

Председатель. – Говорите.

Прокурор. – Из судебного следствия, показаний подсудимой и свидетелей выяснилось, что выступавшие здесь в качестве свидетелей гражданка Агафья Филиппова и гражданин Иван Корнеев, или иначе старец Анисим, являются наглыми обманщиками, одурачивающими народ и спекулирующими на темноте многих лиц. Гражданка Филиппова – знахарка и, мало того, занимается еще лечением, калеча здоровье детей и взрослых. Не меньшая вина лежит на почтенном старце, который выступил здесь перед нами во всей красе. Не все еще убедилось в его шарлатанских проделках и в обмане сотен невежественных женщин, которые легкомысленно несут ему свои последние крохи и веру в какие-то совершаемые чудеса. Настоящий суд уже мог достаточно убедиться в том обмане, которым сопровождаются деяния старца Анисима. В этом уже достаточно убедилась подсудимая и это, я надеюсь, видят и все присутствующие здесь на суде, которые таких Анисимов будут разоблачать и изгонять из своей среды.

Ввиду того, что шарлатанские, знахарские действия Филипповой и Анисима ярко выявились и выяснилось также их участие в неправильном лечении scarлатинозного больного, что способствовало распространению заразы, прошу суд вынести постановление о привлечении к ответственности гражданки Филипповой и гражданина Корнеева и о разборе их дела в настоящем заседании.

Защитник. – Против заявления прокурора не возражаю.

Председатель. – Суд в перерыве обсудит заявление прокурора. (К Анисиму). – Вы, свидетель, садитесь и не покидайте настоящего зала, пока вам не будет разрешено. (К Коменданту). – Вызовите свидетельницу Игнатьеву.

Явление 8.

(Те же и свидетельница Игнатьева, бледная женщина с заплаканными глазами, в черном).

Председатель. – Вы вызваны в суд в качестве свидетельницы и должны показывать только правду, за ложные показания вы будете привлечены к ответственности по статье, карающей заключением не ниже одного года.

Председатель. – Ваше имя и фамилия и сколько вам лет?

Игнатьева. – Мария Игнатьева, 38 лет.

Председатель. – Вы чем занимаетесь?

Игнатьева. – Домашним хозяйством. Муж служит на фабрике.

Председатель. – Что вы знаете по настоящему делу?

Игнатьева. – (Начинает плакать). Единственного моего, ненаглядного ребеночка я лишилась. Только им и жила. Из-за нее все (показывает на подсудимую). Нет Коли моего.

Председатель. – Успокойтесь, свидетельница, и расскажите по порядку. Вы подсудимую Климову давно знаете?

Игнатьева. – Знаю, как по соседству, все друг друга знаем. В одном доме живем. Дети наши по двору вместе бегают, играют.

Председатель. – А знали вы, что мальчик Климовой болел скарлатиной?

Игнатьева. – Не знала, ничего этого я не знала. Только раз мой Коля говорит, Алеша больной и играть не ходит. Я и встречаю Климову – и спрашиваю, что это с Алешей, чем больной? Она и говорит – да ничего, простуда у него. А потом гляжу, уж он во дворе с моим Колей. Только вижу, что пухлый он, да чешется. Теперь уж знаю, что это с ним было, а тогда и не подумала. А дней через 10 после этого и слег мой Колюша. Рвет его, жар приключился, весь красный, горло болит. Доктора призвала – скарлатина у него, говорит. Все делали, что могли, не помогло. На шестой день скончался мальчик. Вот мы и одни остались. И сам он, больной, все твердил – это я от Алеши заразился, от Алеши (плачет).

Председатель. – Не имеют ли стороны вопросов?

Защитник. – Разрешите мне. Почему вы так уверены, что ваш сын только от Климова заразился, разве он с другими детьми не встречался? Ведь он мог от других заразиться?

Игнатьева. – Не ходил он, никуда не ходил, все этой заразы я боялась, никуда его не выпускала. Только во дворе с нашими детьми, что в доме живут, бегал. А у нас никого, кроме Алеши, больных не было.

Защитник. – А когда вы узнали, что у мальчика Климова была скарлатина?

Игнатьева. – Только тогда и узнала, когда сын мой заболел. Я и стала думать, где он мог заразиться. А потом от доктора же узнала, что он раньше приходил к Климовой, лечил ее мальчика, и что у него была скарлатина.

Защитник. – А вам не говорил доктор, почему больной скарлатиной, Климов, оставался дома и потом еще имел возможность заражать других?

Игнатьева. – Он говорил, что Климова ему сказала, будто она больного отправила в больницу, но это была неправда.

Защитник. – А вы-то сами отравили ребенка в больницу?

Игнатьева. – Не отравила, побоялась. Мой-то грех в этом. Если б отравила, может, и жив был бы теперь мой Коля (плачет).

Председатель. – Не имеют ли стороны еще вопросов?

Прокурор и защитник. – Нет.

Председатель. – (К свидетельнице). Вы свободны, садитесь. (К Коменданту). Вызовите свидетеля врача, Горелова.

Явление 9.

(Те же и свидетель Горелов).

Председатель. – Напоминаю вам, свидетель, что вы обязаны показывать только правду и за ложные показания вы будете привлечены к ответственности по статье, карающей заключением не ниже одного года. Ваше имя и фамилия и сколько вам лет?

Горелов. – Михаил Горелов, 35 лет.

Председатель. – Вы где работаете?

Горелов. – Состою врачом в лечебнице на улице Бебея, № 24.

Председатель. – Вы навещали больного ребенка гражданки Климовой? Расскажите подробно, как это было.

Горелов. – Меня пригласила гражданка Климова, не помню точно, какого числа, к заболевшему мальчику. Придя туда, я обнаружил, что у него повышена температура до 39°, сухой обложенный язык, покраснение в глотке. В области легких и сердца ничего ненормального обнаружено не было. По словам матери, заболел накануне вечером, внезапно, причем у него была также рвота. Заподозрив, что здесь, возможно, будет скарлатина, ввиду того, что в городе увеличилось число заболеваний скарлатиной в это время, я заявил Климовой, что предполагаю скарлатину, но определенно еще сказать нельзя. Поэтому, если появится сыпь, пусть отвозит его в больницу. Сам я обещал на всякий случай зайти на следующий день.

Председатель. – Ну и что же, заходили вы?

Горелов. – Заходил. Меня встретила гражданка Климова у входа и сказала, что мальчику сделалось хуже и она его отвезла в больницу. О том, что она меня обманула, я узнал только впоследствии, когда меня пригласили к больному мальчику Игнатьеву.

Председатель. – Не имеют ли стороны вопросов?

Прокурор. – Разрешите мне. Можно ли определенно утверждать, что мальчик Игнатьев заразился от Климова? Ведь тот уже был в периоде выздоровления?

Горелов. – Мальчик Климов безусловно мог заразить Игнатьева еще в течение не менее шести недель после своего выздоровления. Дело в том, что возбудитель скарлатины, микроб, доселе нам определенно неизвестный, держится довольно долго в организме заболевшего скарлатиной и легко переходит к другим. После заболевания еще в течение долгого времени (несколько недель) кожа у болеющего шелушится. Кожа сползает целыми лоскутами, так что с пальцев ее можно снимать прямо, как перчатки. В этом состоянии очень легко заразиться, так как в этих чешуйках кожных держится зараза. Заразительны и одежда больного, игрушки, и все, что приходило в соприкосновение с больным. Поэтому мы требуем во избежание распространения заразы, чтобы болевшие скарлатиной в течение шести недель или больше, пока не прекратится шелушение, были изолированы от других детей и чтобы была произведена тщательная дезинфекция одежды больного и, вообще, на квартире, где находился больной. Таким образом, понятно, что мальчик Климов, встречаясь в периоде шелушения с мальчиком Игнатьевым, легко мог его заразить.

Прокурор. – Скажите, пожалуйста, доктор, какое влияние на ход болезни мальчика Климова имело то, что его неправильно лечили смазыванием маслом, поили наливками, и т. д.

Горелов. – Все это, конечно, самым ужасным образом отразилось на состоянии здоровья скарлатинозного больного. Скарлатина – болезнь, которая очень тяжело протекает, при ней на теле образуется мелко-пятнистая красная сыпь, как кумач. Только нос и подбородок своей бледностью выделяются на фоне покрасневшего лица. В горле такая же малиновая краснота и часто появляются налеты, похожие на дифтерит. Жар доходит до 40° и выше. Часто поражается сердце. Все это требует тщательного ухода и врачебного наблюдения. Сейчас применяют также впрыскивание сыворотки, которая дает во многих случаях очень хорошие результаты.

Особенного внимания заслуживает питание больного. Ему разрешается только самая легкая, молочная жидкая пища. Если его кормить мясом или поить наливками или другими спиртными напитками, то может присоединиться к скарлатине воспаление почек, которым скарлатина часто осложняется. В данном случае мы имеем такую же картину у больного мальчика Климова, который погиб не от самой скарлатины, а от осложнения, присоединившегося к скарлатине, воспаления почек.

При неправильном уходе, когда не содержат в чистоте полость рта, к скарлатине присоединяется также часто воспаление и нарыв в ухе, нарыв в слюнной железе за ухом или другие осложнения.

Защитник. – Разрешите мне вопрос. Можно ли сказать с уверенностью, что мальчик Климов выздоровел бы, если бы выполнялись все правила лечения?

Горелов. – Конечно, с уверенностью этого сказать нельзя; от скарлатины умирает до 10% всех заболевших, умирают и при самом правильном лечении, но гораздо больше умирает тех больных, которые остаются на дому и не имеют надлежащего ухода и лечения. Во всяком случае, если бы он был своевременно изолирован, если бы меня не обманули, сказав, что отправили в больницу, он не был бы рассадником заразы.

Защитник. – Подсудимая обвиняется еще в том, что пустила другого мальчика в отряд пионеров, где он еще до заболевания заразил других. Как могло это быть?

Горелов. – Это вполне возможно, потому что, обыкновенно, между моментом заражения скарлатиной и заболевания ею проходит 12–14 дней. В это время болезнь еще не проявляется и в этом скрытом, или, как его называют, инкубационном периоде, заражать других данное лицо может. Поэтому и второй мальчик Климов, уже заразившийся, но еще не заболевший, мог заражать других детей.

На этом основании мы и настаиваем, чтобы дети, находившиеся в соприкосновении с больными, и были изолированы, и ни в коем случае не отправлялись в школу или отряд пионеров.

Защитник. – А предъявляли вы такое требование гражданке Климовой?

Горелов. – Да, несмотря на то, что я не был уверен в том, что имею дело с скарлатиной, я на всякий случай заявил ей, что она не должна других детей пускать в школу, но она заявила, что дети ее в школу не ходят.

Защитник. – А, почему вы не сообщили Санитарному Надзору, что там скарлатина, тогда приняли бы соответствующие меры, произвели дезинфекцию?

Горелов. – Ведь мне было сказано, что больной отправлен в больницу. Раз так, то мне и не было надобности сообщать, тем более, что диагноз не был выяснен. Больница сама об этом сообщила бы.

Защитник. – Мы слышали здесь, что и мальчик Игнатьев не был отправлен в больницу, хотя было известно, что у него скарлатина. Чем это объясняется?

Горелов. – Это объясняется тем, что мать его отказалась отправить. Насильно мы не отправляем, но сознательные матери сами это хорошо понимают. В данном случае сама мать раскаивается в этом жестоко. Возможно, что в больнице он не умер бы.

Защитник. – Как распространена у нас скарлатина? Можно ли с уверенностью сказать, что именно от Климова произошло заражение в отряде других детей, а также мальчика Игнатьева?

Горелов. – Скарлатина у нас в России всегда была бичом детей. Ее так и называли «убийца детей»: на 100.000 детей умирало 176 от скарлатины, гораздо больше, чем в других странах. Болеют ею и взрослые иногда, но гораздо чаще дети. В настоящем году опять довольно сильная эпидемия скарлатины вспыхнула у нас. Так, в нашем городе в последнее время заболело ... детей скарлатиной. Для предупреждения распространения болезни самое главное – выполнять указанные меры: изолировать больных, правильно лечить их и производить дезинфекцию. В данном случае картина заражения показывает нам, что семья Климовых являлась рассадником заразы через своих детей.

Защитник. – Больше вопросов не имею.

Прокурор. – Разрешите мне вопрос задать подсудимой.

Председатель. – Задавайте.

Прокурор. – Вы говорили, что доктор больше к вам не приходил, а он нам говорит, что вы его встретили и сказали, будто больного отправили в больницу. Так ли это было?

Подсудимая. – Не припомню, может, и было так, боялась я, что б Алешу в больницу не взяли. Там, думала, его и прикончат. Вот и сказала так.

Председатель. – Садитесь, подсудимая. К свидетелю больше вопросов нет? Объявляю судебное следствие законченным. Перед прениями сторон объявляю перерыв на 10 минут. (К публике). Во время перерыва, если у вас, граждане, имеются вопросы по поводу скарлатины, вы их задавайте врачу-свидетелю. Он любезно согласился на них ответить.

ДЕЙСТВИЕ 2.

Явление 1.

Комендант. – (К публике). – Прошу встать, суд идет. (Все встают).

Председатель, Члены суда, Прокурор и Защитник. – (Входят, занимают свои места).

Председатель. – Прошу сесть. Дело слушанием продолжается. Обсудив заявление прокурора о привлечении к ответственности гражданки Агафьи Филипповой и гражданина Ивана Корнеева, называемого старцем Анисимом, по обвинению в шарлатанских проделках и сознательном одурачивании людей путем лечения невежественными способами, суд постановил: привлечь гражданку Филиппову и гражданина Корнеева к ответственности, и

дело о них выделить для доследования. Мерой пресечения, во избежание продолжения мошеннических проделок, для привлеченных к ответственности избрать заключение под стражу. (К Коменданту). – Возьмите этих свидетелей под стражу.

Комендант. – (К Филипповой и Анисиму). – Вы арестованы, пожалуйста сюда (Филиппова причитает: «За что это, батюшка, старуху-то, грех какой», Анисим пытается протестовать, но затем молча уходит).

Председатель. – Переходим к прениям сторон. Слово предоставляется прокурору.

Прокурор. – Граждане судьи, у всех еще свежа в памяти та недавняя полоса войны и голода, когда эпидемии уносили у нас сотни тысяч жертв. Кого щадила пуля или костлявая рука голода, тех уносила расплзшаяся по всей стране вошь, косил сыпняк, пожирала холера. Но победив своих врагов на внешнем фронте, трудящиеся республики могучим напряжением всех сил изжили и эпидемические болезни. Перестали они косить народ, и можно было подумать о дальнейшем укреплении народного здоровья наряду с восстановлением народного хозяйства.

Только в последнее время новая опасность надвинулась на нас. Волной разлилась по стране эпидемия скарлатины. Старый враг, уносивший ежегодно у нас раньше тысячи детей, недаром прозванный – «убийцей детей», опять простер свои хищные лапы, стремясь вырвать возможно больше детских жертв из нашей среды. Но против него, как против эпидемий, косивших раньше, единодушно поднимается вся рабочая масса, чтобы в единении с наукой принять все меры к ее уничтожению.

Тем более мы должны быть беспощадны по отношению к тем, которые сознательно мешают этой борьбе, и, наоборот, способствуют развитию болезни и гибели детей. И сидящая здесь на скамье подсудимых гражданка Дарья Климова является одной из виновниц усиления эпидемий, одной из тех, на совести которых лежит не одна жертва скарлатины.

Все, что развернулось перед нами на суде, ярко подтверждает тяжелую вину Климовой.

Проследим эту картину, которая предстала перед нами здесь. У гражданки Климовой, торговки с рынка, заболел ребенок скарлатиной. Где он заразился, мы не знаем, но дальнейший путь распространения заразы от кровати Алеши Климова во все стороны мы хорошо видим. К нему приходит врач. Он заподозрил скарлатину, хотя она еще не была выражена. Он предупредил Климову, что главным средством, могущим остановить дальнейшее распространение заразы, является помещение его в больницу, дезинфекция помещения и изоляция остальных детей, находящихся в квартире, в течение 12 дней, от общества других детей.

Если бы гражданка Климова это выполнила, не было бы всех тяжелых последствий, с которыми связана была болезнь ее сына, зараза скарлатиной дальше не распространилась, и, возможно, ее сын был бы жив. Тогда не было бы и настоящего процесса.

Но гражданка Климова делала все для того, чтобы скарлатина шла дальше и дальше. Она заболевшего в больницу не отправила. Мало того, она обманула врача, заявив ему, что отправила его в больницу. Здесь, на суде, она пыталась отрицать это, но, прижатая к стене показаниями врача Горелова, вынуждена была сознаться. И, в результате, мальчик остался на дому, без медицинского наблюдения, без санитарного надзора.

Торговки с рынка стали главными советчицами в деле лечения мальчика Алеши. Невежественная бабка Филиппова и одурачивающий народ шарлатанскими приемами старец Анисим, стали его врачами.

Я не буду распространяться о последних персонажах нашей драмы, так ярко выявленных здесь на суде. О них подробный разговор будет в свое время, когда они предстанут перед судом. Но характерно то, что теперь сама подсудимая поняла, наконец, как ее дурачили. Поняла, но слишком поздно. Маслице, наливочка, святая водичка и скарлатинозный яд делали свое дело. Оправившийся было вначале мальчик Алеша Климов от присоединившегося воспаления почек погиб.

Но не одна только эта жертва невежественного отношения в борьбе со скарлатиной прошла перед нами. Брат заболевшего, 9-ти летний мальчик, отправляется матерью в отряд пионеров, несмотря на предупреждение врача, в то время, когда больной находится с ним вместе в квартире. И случилось то, что можно было ожидать. Мало того, что он сам заразился. В скрытом периоде своей болезни, или, как называют врачи, в инкубационном периоде, он заразил еще нескольких товарищей в классе, и мы не знаем, не умер ли кто-нибудь из них, нет ли еще жертвы на совести гражданки Климовой?

В отряде пионеров стремятся оградить детей от возможности заноса заразы. Созывают родителей, им говорят, какая может быть опасность от посылки ребенка в отряд, если дома имеются скарлатинозные. Но гражданка Климова на собрание не идет, несмотря на то, что это было в воскресенье. Она предпочитает общество старца Анисима и хождение в церковь посещению родительского собрания. И не идет она, конечно, потому, что прекрасно понимает, что там будут говорить о скарлатине, а ей это невыгодно. Что гражданка Климова прекрасно понимает всю опасность скарлатины для окружающих, доказывает то, что она скрыла от соседки Игнатъевой, что у её мальчика скарлатина. И успокоенная Игнатьева разрешает своему сыну играть во дворе с Алешей Климовым, когда тот находился еще в состоянии шелушения. Результаты известны: мальчик Игнатьев заразился и погиб. Погиб единственный сын бедной женщины, неутешное горе которой вы здесь видели.

Вот что получилось, граждане судьи, от того, что не были выполнены самые простые правила борьбы с эпидемией.

Говорят – микроб страшен, он скарлатину приносит. Не в микробе дело, а в нашей сознательности дело. Никакой микроб не страшен будет, если ему противопоставлено будет ясное сознание необходимости выполнить все, что требует наука для борьбы с этим микробом. И наоборот, самый безвредный микроб станет вредным, если ему темнота и злая воля человека будет помогать. Гражданка Климова делала все для того, чтобы усилить работу еще неведомого нам скарлатинозного микроба. Ее руками сеялась зараза. И могло бы быть некоторое снисхождение для нее, если бы действительно думали, что она не знала об опасности скарлатины, заразительности ее. Но если б это было так, то она, конечно, не скрыла бы от соседки, что у ее мальчика скарлатина, не обманула бы врача, что отправила мальчика в больницу. Она говорит здесь, что боялась больницы, что там ему плохо будет. Так рассуждали раньше, но сейчас сознательные люди так не рассуждают. Чем лучше было ее сыну болеть на дому, без ухода, при плохом лечении, да и быть при этом сеятелем заразы? Нет оправдания и даже снисхождения гражданке Климовой в ее поступках. Наши дети – наша надежда. Мы стараемся их сделать физически здоровыми, развиваем

физическую культуру, учим в школах, воспитываем в пионерских отрядах, и мы должны их оградить от тех, кто даже несознательно, а тем более сознательно сеет среди них заразу, губит их здоровье и часто даже убивает. Гражданка Климова одна из таких. После 7 лет революции, при развитии санитарного просвещения, когда причина болезни не скрыта от нас, а, наоборот, разъясняется всюду, не должно быть саботажников и врагов на эпидемическом фронте. Фронт борьбы со скарлатиной – тяжелый боевой фронт. И гражданка Климова на нем оказалась нашим врагом – врагом детей. Те жертвы, которые погибли благодаря ее вине от скарлатины, требуют, граждане судьи, чтобы она была наказана, и ваш приговор должен быть обвинительным. Я прошу приговорить ее к 3 годам заключения со строгой изоляцией, с воспрещением проживания в столичных и крупных городах республики и конфискацией имущества на фонд борьбы со скарлатиной.

Председатель. – Слово предоставляется защитнику.

Защитник. – В своей яркой речи мой уважаемый противник достаточно охарактеризовал ту громадную опасность, которую представляет собой скарлатина, и всю важность борьбы с ней. В этом, граждане судьи, я не могу с ним не согласиться. Он прав, когда говорит, что рабочие массы республики огромным напряжением воли и общими усилиями одержали победу и на эпидемическом фронте, как и на фронте боевом. Он прав, когда говорит, что и борьба со скарлатиной требует единодушных усилий и строгого исполнения всего того, что говорит наука о способах борьбы с эпидемиями. Так должно быть.

Но, граждане судьи, я не могу признать ту тяжелую вину, которую он приписывает моей подзащитной, гражданке Климовой. В чем виновна она? Чтоб разобраться в этом, мы отбросим те последствия, к которым привело ее несознательное (только несознательное, иначе я его назвать не могу) отношение к болезни своего сына, и разберемся только беспристрастно в том, что случилось. Заболел мальчик, и врач, который приходит, говорит ей, что у него возможна скарлатина, что его надо отправить в больницу, дома произвести дезинфекцию, других детей изолировать. Все эти вещи для гражданки Климовой страшны. Ей страшна мысль о больнице. – Помилуйте, там убьют, не выйдет оттуда живым. – Ведь так, граждане судьи, еще недавно рассуждала масса людей, и так еще рассуждает много темных людей и сейчас. Для них больница – это какое-то страшилище. Лет 30 тому назад крестьяне громили и сжигали холерные бараки, в уверенности, что там травят народ.

Гражданка Климова еще одна из этой темной массы. Правда, их становится все меньше, свет знания протекает в самые темные уголки, и все начинают понимать, что больниц бояться нечего, что только там и надо лечиться. И мы видим, что, например, в Ленинграде до 80% скарлатинозных больных находятся в больницах.

Но до гражданки Климовой это сознание еще не проникло. Испугавшись больницы и дезинфекции, она решила спрятаться и от врача, и от настоящей медицинской помощи. Но ребенок болен, она мать, его надо лечить, и она идет туда, где ей не предложат ни больницы, ни дезинфекции, ни изоляции. Она зовет невежественную бабушку, она идет за чудом к шарлатану старцу. Что делать? Она больше верит в чудо, в науку. Но чуда, конечно, нет, в этих шарлатанских проделках она сама разуверилась, но слишком поздно.

И все, что дальше последовало за этим, отправление ребенка в отряд пионеров и заражение других детей, все это результат той же несознательности и недоверия к науке. Ее

обвиняет гражданин прокурор в том, что она скрыла от Игнатъевой, что ее мальчик болел скарлатиной. В этом, конечно, ее вина, но ведь это явилось естественным следствием того же страха, которым она была с первого момента болезни объята. А вдруг соседка потребует, чтобы больного свезли в больницу, чтобы сделали дезинфекцию, чем-то курили в квартире, детей никуда не выпускали, и она скрыла от Игнатъевой, что в ее квартире скарлатина. Но скрыла, конечно, и не предполагая, к каким роковым последствиям это приведет.

Граждане судьи, чтобы понять всю психологию моей подзащитной, надо вспомнить, что она торговка с рынка, все воспитание свое получила в отравленной всякими сплетнями и темными суевериями базарной атмосфере. Целые часы, целые дни проводила она в обществе других торговок, для которых самый большой кумир – старец Анисим и самая почтенная женщина – бабка Филиппова. Что удивительного в том, что и она прониклась тем же духом, что и для нее болезнь – это что-то ниспосланное свыше, от чего нужно отмаливаться, а не микроб, разносимый часто благодаря грязи и невежеству.

Мы нежны здолабыть⁵ и вины ее мужа, который не мог, как рабочий, не знать, какие меры надо предпринять для предотвращения разноса заразы.

На ее совести ряд жертв, говорит гражданин прокурор. Но ведь и на ее совести потеря любимого сына. Если бы она сознательно содействовала заражению других детей, то можем ли мы допустить, что она сознательно убила своего ребенка? Да, тяжело наказана гражданка Игнатъева за невежество и темноту Климовой, но не менее тяжело наказана и гражданка Климова за собственную темноту. Большого наказания, чем смерть сына, ей не придумать. И эта смерть многим Климовым будет достаточным уроком.

Только темнота и невежество руководили моей подзащитной в ее поступках. Она сама теперь достаточно поняла все, что произошло. Она сама ярко разоблачила перед нами старца Анисима и разочаровалась в своей наивной вере во всяких проходимцев и чудеса. Тяжелой ценой досталось ей это разочарование, и она вполне искупила им свою вину. Я надеюсь, граждане судьи, что вы примете это во внимание и не подвергнете тяжелому наказанию мою подзащитную.

Председатель. – Прения сторон закончены. Последнее слово предоставляется подсудимой.

Подсудимая. – (Часто прерывает свою речь слезами). – Простите меня, гражданин судья. Сама теперь вижу, что случилось. Все мне разъяснилось, какая от меня беда приключилась. Кабы знала, разве делала б так? Своему сыну добра ж я хотела. А заместо добра, что получилось? Простите меня, Марья Сергеевна (поворачивается к Игнатъевой). Не думала я, что от сына моего смерть вашему Коле приключится. И моего нет, родимого (плачет). Все больницы боялась я. Думала, худо будет. Не знала, что такая зараза от этой скарлатины. Все старец проклятый мутит. Отпустите меня, граждане судьи. Всем теперь накажу, чтоб правила все выполняли. Дайте мне моих двух деток вырастить. Оправдайте меня.

Председатель. – Вы кончили? Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Комендант. – Прошу встать.

Перерыв.

⁵ Так в документе, вероятно – Мы не должны забыть (*Примеч. авт.*).

Явление 2.

Комендант. – Прошу встать, суд идет (Все встанут и приговор выслушивают стоя).

Председатель. – (Оглашает приговор).

Народный суд гор. в составе председателя и членов ... в заседании своем от ... числа ... месяца ... года, заслушав дело гражданки Климовой Дарьи, 40 лет, беспартийной, торговки, ранее не судившейся, по обвинению в том, что по ее вине произошло заражение ряда детей скарлатиной, признал доказанным, что гражданка Климова не выполнила правил предохранения других лиц от заражения скарлатиной – при заболевании ее сына, Алеши, скарлатиной, не отправила его в больницу, вопреки заявлению врача другого мальчика отправила в отряд пионеров, в результате чего последовало заражение нескольких пионеров. Скрыв от гражданки Игнатъевой, что ее мальчик болел скарлатиной, она допустила его пребывание вместе с сыном гражданки Игнатъевой, в результате чего наступило заражение последнего и смерть его. Ввиду этого и принимая во внимание всю важность выполнения всех правил в борьбе с злейшим врагом детей – скарлатиной, Суд приговорил гражданку Дарью Климову, на основании ст. ст. Уст. Угол. Кодекса к заключению в Исправдоме, сроком на 2 года, но, принимая во внимание, что преступления ее были совершены вследствие темноты и неосознанности, а также ввиду выраженного на суде раскаяния и признания своей вины, суд нашел возможным приговор считать условным в течение 5-ти лет. Кроме того суд постановил взыскать с гражданки Климовой на фонд борьбы с скарлатиной 500 рублей и обязать ежемесячно вносить 50 рублей до полной ликвидации эпидемии скарлатины. Деньги подлежат внесению в Санитарно-Эпидемиологический П/Отдел Здравотдела в течение двух недель.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в двухнедельный срок.

Заседание суда объявляю закрытым.

Конец.